



# МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

## ПОДВОДНЫЙ ПАТРУЛЬ

Морской спецназ

Сергей Зверев

# **Подводный патруль**

«ЭКСМО»

2009

## **Зверев С. И.**

Подводный патруль / С. И. Зверев — «Эксмо»,  
2009 — (Морской спецназ)

Командир суперподлодки Илья Макаров по прозвищу Морской волк получает приказ срочно отправиться на Арктический шельф, где потерпело крушение научно-исследовательское судно «Академик Королев». Членов экипажа спасли, но на двухкилометровой глубине остался батискаф с учеными, которых и предстоит выволить из пучины. Задание осложняется тем, что за батискафом уже охотятся американские корабли и подлодка. Чтобы захватить бесценные научно-исследовательские данные, янки идут ва-банк...

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# Сергей Зверев

## Подводный патруль

### Глава 1

Любому моряку военного, рыболовецкого или пассажирского флота, не говоря уже об обывателе, путешествующем на круизном теплоходе, могло показаться, что он стал очевидцем необъяснимого. На поверхности моря распласталась громада какого-то невероятного, невиданного доселе глубоководного чудовища.

Представитель неизученной морской фауны неподвижно расположился на поверхности, покачиваясь в такт небольшим волнам, и признаков жизни не подавал.

Будь неподалеку чьи-либо любопытные глаза, они наверняка захотели бы разобраться в ситуации, чем-то очень напоминающей сюжет книги знаменитого французского писателя-фантаста Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой». И если бы стороннему наблюдателю удалось подобраться к чудовищу поближе и рассмотреть его как следует, то он точно вспомнил бы великого француза и отдал дань его таланту и прозорливости.

В повести Жюль Верна, как помнится, английская эскадра гонялась за гигантским чудовищем-нарвалом, которое регулярно нападало и топило британские корабли, перевозившие в Индию войска и военные грузы. А злобный монстр оказался верхом инженерной мысли капитана Немо – подводной лодкой «Наутилус».

Глубоководное чудовище, мерно покачивающееся на волнах Карибского моря, тоже было творением рук человеческих – сверхсекретной российской субмариной «Макаров». Кроме того что вымышленный «Наутилус» и реальный «Макаров» были верхом конструкторского гения, их роднило и еще одно обстоятельство: и та, и другая субмарина предпочитала никому не показываться на глаза, скрывать свои базы и не афишировать принадлежность к своей стране. Впрочем, на этом схожесть заканчивалась.

Если «Наутилус» капитана Немо принимали за гигантского, даже, наверное, сверхгигантского нарвала, в чреве которого без труда умещались библиотека, многочисленный экипаж, научная лаборатория капитана, музей экспонатов подводного мира и прочие чудеса, навеянные фантазиями Жюль Верна, то на российском «Макарове» был взят на учет и функционально использовался каждый сантиметр полезной площади.

По сути, подводная лодка «Макаров» не являлась боевой ударной единицей российского Военно-морского флота. Она не несла на борту мощных ядерных зарядов и систем доставки, способных поразить любую точку мира и уничтожить одним залпом добрую четверть человечества. По сравнению с «Макаровым» атомные ракетноносцы – краса и гордость российского подводного флота – выглядели настоящими гигантами.

И все же, несмотря на миниатюрные размеры, малочисленный экипаж и отсутствие мощного вооружения, «Макаров», благодаря своим техническим и конструкторским особенностям, был, пожалуй, самой востребованной и боеспособной единицей ВМФ России.

Мини-субмарину скорее можно было бы отнести к классу лодок-шпионов: небольшой размер, очень высокая подвижность и маневренность, а обшитый титановыми пластинами корпус позволял плавать на самых удаленных от поверхности моря расстояниях, что делало ее неуязвимой для любых глубинных бомб. Запас хода практически неограничен, если, конечно, время от времени всплывать для подзарядки аккумуляторов. Совершенно бесшумная, в каталитической установке было абсолютно исключено присутствие каких бы то ни было движущихся деталей. А отражающая способность высокотехнологичного покрытия сверхпрочных титановых пластин делала субмарину абсолютно невидимой для любых радарных средств обна-

ружения. Более того, ее не смог бы засечь ни один гидроакустик в мире. Вообще-то шум винтов – слабость любого подводного или надводного корабля. Опытные гидроакустики могут по этому шуму сказать вам, что это за корабль, его водоизмещение, расстояние до него и даже – кто капитан, если дело касается вероятного противника. «Макаров» же не оставлял под водой абсолютно никаких «следов» и мог абсолютно незамеченным гулять в любых морях и широтах Мирового океана, безнаказанно заходя чуть ли не в святая святых – военно-морские базы англичан, американцев, немцев, французов и прочих морских держав, куда срочно надо было заглянуть по заданию Родины.

Конечно, в разумных пределах. Ибо противолодочные сети, подводные мины и прочие ловушки еще никто не отменял, и каждая база, являясь мало-мальски секретным объектом, с лихвой окружала себя самыми разнообразными подводными сюрпризами. И тут уж держи ухо востро...

Тем не менее разведывательные задачи перед «Макаровым» командованием флота время от времени ставились. И не только разведывательные. Конечно, для ведения прямых боевых действий мини-субмарина была абсолютно не приспособлена, но, как и у своего книжного прототипа – «Наутилуса», на борту «Макарова» тоже имелось кое-какое оружие. И хоть по своей мощности оно не шло ни в какое сравнение с оснащением грозных гигантов-атомоходов, способных одним ядерным плевком стереть с лица земли добрый кусок территории, скажем, Соединенных Штатов Америки, но и тех хитроумных видов оружия, которыми была оснащена мини-субмарина, ей вполне хватало, чтобы эффективно обороняться и незаметно нападать.

Главной достопримечательностью «Макарова» кроме носового орудия и нескольких небольших торпед была мощнейшая система радиоэлектронных помех. С помощью выдвижной телескопической антенны мини-субмарина могла создать направленное силовое электромагнитное поле, которое было способно вывести из строя всю судовую, береговую и любую другую электронику, все системы жизнеобеспечения на расстоянии нескольких десятков морских миль. То есть эта небольшая подводная лодка, пользуясь своей почти абсолютной невидимостью, могла незамеченной подкрасться к любому кораблю или береговому объекту и одним своим невидимым и неслышным залпом полностью вывести из строя все, что хоть как-то связано с потреблением электроэнергии. После такой атаки отрубалось любое оборудование, глохли даже автомобильные двигатели – аккумулятор не давал искры...

Любой атакованный корабль, оставшись без руля, был фактически обречен: на таком судне останавливались турбины, гасло электричество, оставляя экипаж в кромешной темноте, выходили из строя радиоприборы, приборы навигации, управления и вся электроника, которой под завязку напичкано любое современное судно. Даже самый грозный военный корабль после такой атаки становился не опаснее консервной банки.

Так что ноу-хау российской мини-субмарины зачастую было куда эффективнее торпед, мин и всего остального смертоносного арсенала, которым обладало любое современное военное судно.

Кроме того, это оборудование позволяло вести и радиоэлектронный шпионаж, и даже прослушивать разговоры, которые ведутся шепотом на расстоянии нескольких морских миль от субмарины.

В общем, Мировой океан бороздил еще тот подарок, за которым, как и за «Наутилусом» Жюль Верна, постоянно охотились корабли многих иностранных флотов.

Понятное дело, что такой субмарине, как «Макаров», сам бог велел корсарить. Правда, даже самые удачливые и известные в истории человечества пираты рано или поздно оказывались на рее. Но и к такому исходу событий на «Макарове» были готовы. В случае захвата субмарины никто не смог бы доказать ее государственную принадлежность. На субмарине – ни единой российской маркировки, ни одного российского продукта, вся документация – исключительно на английском языке. В случае даже малейшей угрозы захвата подлодка должна быть

уничтожена вместе с экипажем. Правда, члены команды об этом не знали, за исключением командира. И даже если кому-то чудом удалось бы спастись, ни Министерство обороны России, ни Балтийский флот не стали бы защищать или вызволять моряков. От них просто отказались бы. Мол, я не я, и хата не моя.

Кстати, для такого непредвиденного, но возможного происшествия по определенному принципу подбирался и экипаж. В состав команды секретной субмарины входили или детдомовцы, или те, у кого нет никого из родных и близких. Делалось это для того, чтобы в случае гибели моряков никто из родственников их не хватился.

Но о гибели говорить еще рано, так что пока «Макаров» лениво покачивался на волнах. Спустя некоторое время из носовой части субмарины поднялось небольшое носовое орудие, совершило несколько резких хаотичных движений, поводя стволом из одной стороны в другую, затем на секунду замерло, произвело несколько коротких выстрелов и снова спряталось под палубу. А еще через несколько секунд с поверхности моря исчезла и сама лодка, которая стремительно погрузилась в пучину.

– Всему экипажу, кроме вахтенных, собраться в кают-компанию, – оторвавшись от перископа, сурово произнес командир и первым направился в небольшое помещение, где с трудом могли разместиться все члены экипажа.

Командир субмарины, капитан второго ранга Илья Валентинович Макаров, больше известный в штабе Балтийского флота под прозвищем Морской Волк, осмотрел собравшихся офицеров и угрюмо сообщил:

– Стрельбы прошли успешно. Поздравляю, – капитан второго ранга недовольно хмыкнул, – обе учебные цели поражены. Мы в очередной раз победили. Только я считаю, что грош цена такой победе! – Он громыхнул кулаком по пластиковой переборке и сурово уставился на притихших офицеров.

– Илья Валентинович, – негромко произнес за спиной командира старший помощник, пытаясь защитить команду и предотвратить очередной служебный разнос, – вы же сами сказали, что в норматив экипаж полностью уложился...

– Сказал, – не оборачиваясь, буркнул командир, – и не шепчи ты мне на ухо, как красной девице. Мы тут не одни, если ты заметил, а от экипажа у меня секретов нет. Иди, сядь. – Макаров кивнул старпому на свободную баночку. – Сказал, и повторю, – продолжал Морской Волк тем же недовольным тоном, – в норматив команда уложилась. Только этого, товарищи офицеры, мало. Я требовал и буду от вас требовать перекрывать все нормативы в два, а то и в три раза. – Командир обвел подчиненных суровым взглядом и продолжал: – Если кто забыл, то могу напомнить историю легендарной исторической личности Великой Отечественной, а именно советского героя-подводника Маринеско. Тот тоже каждую свободную минуту гонял экипаж своей лодки, потому что знал, что от скорости и слаженности его экипажа зависит их жизнь. Жизнь каждого члена команды, – командир на секунду замолчал, распрямился, сунул руки в карманы брюк и продолжил уже более мягко: – Не знаю, как вас там учили в ваших училищах военной истории, но Маринеско всегда выходил победителем из любых передраг. А кто довольствовался нормативами, неизвестно с какого потолка писанными, их подводные лодки часто на базу не возвращались. – Илья Валентинович снова посмотрел на членов экипажа, пытаясь заглянуть в глаза каждому офицеру, достучаться до сердца каждого. – Понимаю, – продолжил капитан второго ранга, – что многие из вас, наверное, думают: «Вот, мол, придирается командир. Мол, сейчас не эпоха морских охотников и северных конвоев. Уложились офицеры в норму – зачем усложнять? Для того эти нормы и существуют». Думаете так? – Морской Волк сделал небольшую паузу, ожидая ответа, но команда благоразумно помалкивала. – Надеюсь, что нет, – озвучил свое предположение командир. – Надеюсь, товарищи офицеры, что никто из вас не забыл, на какой субмарине нам выпала честь служить. А если кто-то посмотрелся телевизора и решил, что сейчас не война, то им я хочу посоветовать вспом-

нить хотя бы об операции двухмесячной давности и раз и навсегда уяснить себе, что в текущей политической и международной ситуации мы самая боеспособная единица Российского военно-морского флота.

Думаю, что все вы, как и я, хотите жить. Никто не знает, куда нас завтра могут отправить и что нас может ждать. Между прочим, – командир смягчил тон чуть ли не до отеческого, – я тут посмотрел кое-какие записи. Так вот эта тревога была единственной учебной за последние десять месяцев. Все остальные – боевые. Так-то... Все, собрание закончено, – подвел черту Морской Волк, – разойтись.

– Не круто ты с ними? – К командиру подошел старший помощник, капитан третьего ранга Николай Давыдович Пивоваров, кивая в сторону последнего выходящего из кают-компании офицера.

– Не круто, – коротко ответил командир и сделал глубокий вдох.

– Никак, случилось чего, Илья Валентинович? – встревожился старпом, видя озабоченность Морского Волка.

– Только что получен приказ срочно свернуть наше участие в учениях и прямиком на всех парах дуть на базу, – озвучил недавнюю шифровку командир. – Так что, думаю, намеченный отпуск отменяется.

– Похоже на то, – кивнул старпом, хорошо понимающий, что обычно следует за директивами такого рода.



## Глава 2

– Еще попрошу вопросы? Вот вы, пожалуйста. – Пожилой, седовласый мужчина лет шестидесяти, еще в очень даже хорошей физической форме, жестом поднял с места моряка, тянувшего руку вверх, точно прилежный первоклассник.

– Вот вы прочитали мне, точнее, экипажу нашего корабля, – поправился матрос, широким жестом обводя собравшихся в помещении клуба членов своей команды, – лекцию о разнообразии морской полярной флоры и фауны. Это очень даже замечательно и поучительно. Повысили наш кругозор, хотя и мы не один год ходим по северным морям и кое-чего тоже повидали. Но я хотел узнать не об этом. Вы мне, точнее – нам, – снова поправился моряк, кивая на товарищей, – скажите, товарищ профессор: на кой ляд понадобилось изучать этот хребет Ломоносова? А то прямо какую-то военную тайну из нашей экспедиции сделали. Молчат все – как рыбы. А мы ведь тоже не дураки тут собрались. И батискаф ваш видели, и оборудование никак не из дешевых. Мы, то есть команда, понимаем так, что скалы – они и есть скалы – хоть надводные, хоть подводные – все едино. Верно? – Моряк хитро глянул на пожилого ученого, скрывая явный подвох, и научный муж простодушно согласился:

– Верно.

– Вот вы нам и ответьте, товарищ профессор, кому, а главное, зачем понадобилось их изучать, тратить на это народные деньги и почему в такой спешке и секретности? – Закончив речь, моряк с достоинством опустился на свое место.

– Простите, – ученый немного смущенно улыбнулся в окладистую бороду, – не расслышал вашего имени...

– Николай, – выкрикнул со своего места моряк.

– Так вот, Николай, – продолжил пожилой мужчина, – во-первых, я не профессор, а член Российской академии наук, академик Владимир Феокистович Коноваленко, – скромно представился ученый, опустив перечисление остальных своих многочисленных титулов. – Во-вторых, я не совсем понял, о какой секретности вы говорите? Насколько я понимаю, «Академик Королев» не военный корабль, а научно-исследовательское судно. Кому же, как не ему, заниматься научными изысканиями? Может, ваше командование не посчитало нужным сообщить вам о целях нашей экспедиции...

– Вот именно! – снова выкрикнул с места матрос. – Не посчитало нужным! Я поэтому, товарищ академик, у вас и спросил. От них ведь никакого ответа не дождешься!

– Ну хорошо, – Владимир Феокистович быстро глянул на часы, – хоть тема нашего разговора планировалась быть другой... Постараюсь коротко, чтобы вас не задерживать. – Он еще раз с досадой глянул на часы, снял их, чтобы не отвлекали, сунул в карман, затем задумчиво пожевал губами, сосредотачиваясь на предстоящем выступлении, и начал:

– Как вы знаете, в 1926 году Советский Союз определил границы своих полярных владений – почти треть Арктики общей площадью 5,842 миллиона квадратных километров. Однако в международном праве эти претензии СССР, так же как аналогичные претензии Канады и США, никем не признавались.

И только в 1982 году ООН приняла Конвенцию по морскому праву. Россия, как правопреемник СССР, направила в 2001 году свою заявку на официальное международное признание этого сектора как территории, принадлежащей Российской Федерации. Я понятно изъясняюсь? – озабоченно поинтересовался Коноваленко.

– Понятно, – отозвалось несколько голосов, и академик продолжил:

– Согласно российским документам, проходящий под вечными льдами Северного полюса подводный хребет Ломоносова является продолжением сибирской материковой платформы. То же касается и хребта Менделеева, расположенного восточнее. Юридически это означает,

что территория, на которую мы претендуем, находится в области российского континентального шельфа и по полному праву должна принадлежать нашей стране.

Однако в настоящее время кроме нас на хребет Ломоносова претендуют Дания – Королевское министерство науки утверждает, что это – продолжение шельфа Гренландии, значит – датская территория; Норвегия – Осло считает, что это – продолжение норвежской территории; Канада считает, что это ее территориальные арктические воды; а Соединенные Штаты Америки – что ее.

– Понятное дело, – пробурчал в зале чей-то басок, – куда уж без американцев...

– И у всех этих стран есть свои подтверждения и доказательства, – продолжал Владимир Феоктистович, не отвлекаясь на попутные реплики. – Задача нашей экспедиции: научно доказать, что хребет Ломоносова – исконно наша, российская территория, и снять все претензии на нее других стран.

– Товарищ академик, – снова поднялся неугомонный морячок, – а зачем нам, то есть России, это нужно? Я имею в виду этот хребет? Нам бы со своими просторами справиться. Один Дальний Восток с Сибирью чего стоят! На кой ляд нам еще этот по большей части замерзший кусок моря, в котором и рыбы-то толком никакой нету?

– Согласен, – кивнул Владимир Феоктистович, – возможно, что в этих широтах рыбный промысел и нерентабелен. Но дело не в этом.

По оценке наших геологов, а также геологических служб США и Норвегии, в районе хребта Ломоносова находится до 25 % мировых запасов нефти. И это по самым скромным подсчетам. Многие эксперты утверждают, что в грунте океанского дна находятся месторождения угля и газа, а также алмазов, золота, платины, олова, марганца, никеля, свинца. В общем, почти полный перечень Периодической системы Менделеева.

Понятное дело, что разработка этих месторождений – дело, возможно, весьма отдаленного будущего. Однако рано или поздно человечество будет вынуждено обратиться к кладовым Севера, скрытым под вечными льдами. И от результатов, в частности, вот этой нашей геофизической экспедиции во многом и будет зависеть, кому эти богатства будут принадлежать.

Все доказательства правомерности притязаний России на эти территории, если мы такие, конечно, найдем, будут представлены в различные международные комитеты, в том числе и юридические. Так что ни о какой секретности, как вы понимаете, речь здесь не идет. Это полная чушь. – Академик в очередной раз торопливо глянул на часы. – А теперь, товарищи, прошу меня извинить, но я вынужден вас покинуть. – Владимир Феоктистович галантно поклонился, таким образом поблагодарив команду «Академика Королева» за содержательный разговор. – На мне гири висят еще несколько неотложных дел. – Ученый снова коротко поклонился и торопливо покинул приспособленное под лекционный зал помещение.

## Глава 3

Относительно секретности Владимир Феоктис–тович немного слухавил перед членами экипажа. За свою долгую жизнь академик Коноваленко многое повидал. Большой наукой и Севером Владимир Феоктисович начал заниматься почти одновременно. Кабинетным ученым он никогда не был. За плечами опытного полярного геофизика была не одна зимовка. Море Лаптевых, Карское и Баренцево моря он знал как свои пять пальцев и смог бы не хуже заправского лоцмана провести любое судно между хребтами, банками и котловинами с их коварными течениями и многочисленными полями льда. А уж по Земле Франца-Иосифа мог бы пройти даже с закрытыми глазами. Так что провести Владимира Феоктисовича на мякине было очень и очень сложно.

В разговоре с моряками «Академика Королева» Коноваленко не лгал: никаких специальных инструкций и секретных распоряжений он не получал. Но не мог оставить без внимания некоторые мелочи, которые академик при всем своем желании не мог ничем объяснить.

Почему, например, верхняя часть их батискафа, на котором планировалось спуститься к хребту Ломоносова, покрашена не в красный цвет, как это обычно бывает, а в темно-синий? Ведь случись, не дай бог, какая-нибудь авария, красный батискаф отыскать на поверхности моря или на небольшой глубине куда проще, чем окрашенный под цвет моря.

Поди разгляди с самолета предмет, который по цвету ничем не отличается от фона. Значит, кто-то это так и задумывал. Но зачем?

Непонятно было, зачем и по чьему указанию в экипаж из трех человек, которому предстояло опуститься на дно Северного Ледовитого океана, была включена женщина-врач? Ясное дело, он, академик Коноваленко, ученый-геофизик и руководитель экспедиции. Никаких возражений не могла вызывать и кандидатура Жоры Портнова, которого Владимир Феоктисович лично не знал, но слышал от коллег, что он хороший специалист-подводник. А кто такая эта Людмила Брониславовна Плужникова? Это имя ему равно ни о чем не говорило.

Получалось, что за научную часть отвечает Коноваленко. За техническую – пилотирование, эксплуатацию и обслуживание батискафа – Жора Портнов. В том числе на его плечи была возложена и работа с уникальным глубоководным буром, способным брать керны с большой глубины. А вот зачем понадобилась врачиха – не понятно. Пульс, что ли, измерять? Балласт, который не имеет абсолютно никакого отношения ни к океанологии, ни к геофизике. Правда, видя бурное сопротивление академика, Владимира Феоктисовича заверили, что кроме медицины женщина является еще и хорошим специалистом по связи, а это на больших глубинах вещь немаловажная.

Что верно, то верно. Связь хрупкого батискафа с кораблем-маткой – это не последнее дело. Однако Коноваленко сильно насторожило сочетание столь разнополярных профессий, как эскулап и связист, но сопротивляться настойчивым пожеланиям вышестоящего начальства он не мог и скрепя сердце согласился. Конечно, идя навстречу «пожеланиям трудящихся», руководство могло бы подыскать и более профессионального связиста-гидроакустика, а не просто «неплохо разбирающуюся» девчущку... Но, как говорится, с паршивой овцы – хоть шерсти клок. И на том спасибо. Однако на сердце у академика после того кабинетного разговора стало очень беспокойно...

Впрочем, за все время экспедиции Владимир Феоктисович ни единым словом не выказал сомнения ни в компетентности, ни тем более в профессиональных качествах экипажа своего батискафа. И дело тут было не только и не столько в воспитанности или терпимости академика, сколько в его личном опыте полярника – на Севере малейшее недоверие, а тем паче, необоснованная подозрительность могли и часто становились причиной катастрофы и гибели людей.

«Ладно, – Владимир Феоктистович решительно отбросил в сторону тревожащие его мысли, – чего уж сейчас-то кручиниться? Что сделано – то сделано. Не воротишь уж ничего».

Он еще раз глянул на часы. До первого погружения батискафа оставалось чуть больше девяти часов, и академик решил использовать остатки этого времени для отдыха. Коноваленко спустился в свою каюту, бросил на диван пузатую подушку, стащил ботинки и завалился спать прямо в свитере и утепленных брюках.

Однако уснуть было не так просто. Хотя часы Владимира Феоктистовича и показывали, что в Москве близится полночь, здесь, в северных широтах, июльское солнце и не думало прятаться на ночлег. За бортом солнце светило круглые сутки, и его яркий свет потоком лился в широкие иллюминаторы. Хуже всего было то, что никаких торшеров, бра или ночников в его покоях не было. Можно было, конечно, вставить в иллюминаторы задрайки, но металлические листы были настолько хорошо подогнаны, что не пропускали ни единого лучика, и в каюте сразу наступала крошечная темень. Она не то чтобы пугала академика, но ему становилось как-то неуютно. Даже за длинные полярные ночи он так и не подружился с темнотой и до сих пор ее недолюбливал.

Владимир Феоктистович хорошо помнил полярные ночи начала 60-х прошлого века. Особенно одну...

Это была его вторая зимовка. Темнота, пурга и ветер такой, что буквально валил с ног. Только на климат ведь никто тогда скидок не делал. Ночь не ночь, метель не метель, а работать надо. Большая часть любой экспедиции приходилась на такую вот непогоду. Двадцатичетырехлетнему тогда молодому аспиранту Коноваленко и нужно-то было пройти до своих приборов метров триста, сделать очередной замер и вернуться. Только до нужного места он не дошел – провалился в моржовую полыню. Не углядел за снегом. Об острый край льда фал перерезало как бритвой. Хорошо, что полынья в воду не вертикально уходила, а под углом. Удалось упереться во что-то кончиками пальцев, он воткнул в лед нож и стал подтягиваться. Об одном тогда молился – чтобы лезвие не сломалось. Бог тогда, наверное, каким-то чудом услышал молитву советского ученого-атеиста. Выкарабкался...

И огонек избушки-то виден был. Тусклый, далекий, всего каких-то триста метров...

Владимира Феоктистовича тогда так и не нашли. Когда фал перерезало, за те полчаса, до того времени, как на зимовье поняли, что стряслась беда, и стали Коноваленко искать, веревку отнесло ветром в противоположную сторону. Там ребята и топтались, буквально обнюхивая каждый метр, каждый сугроб...

Это потом уже Владимиру Феоктистовичу рассказали, что втащили в избу глыбу льда. В дверь он головой стучал. Тихо так: тук-тук, тук-тук. Радист слышал. Сам Коноваленко с какого-то момента ничего не помнил: ни как полз, ни как стучал... Никто не мог понять, как ему вообще удалось выжить. Наверное, очень не хотелось будущему академику умирать тогда, в свои двадцать четыре...

Отделался он сравнительно легко: ему ампутировали лишь два пальца на той самой ноге, которой в лед в полынье упирался... Врач тогда у них в экспедиции замечательный был – Люба Орешкина. Она на ноги и поставила.

Может, и неплохо, что сейчас им в экипаж экспедиции тоже врача назначили? Может, зря он на женщину так ополчился? Радист, врач... Они ему тогда жизнь и спасли...

– Владимир Феоктистович, – в дверь каюты осторожно постучали, – Владимир Феоктистович!

Коноваленко открыл глаза и машинально глянул на часы. Почти семь. Значит, поспал таки немного. Тяжелый, правда, случился сон, беспокойный, но так обычно перед ответственными моментами и бывает.

– Владимир Феоктистович, – снова поскребся в дверь вахтенный матрос, – вы просили вас поднять.

– Да-да, – громко отозвался ученый-геофизик, сбрасывая с дивана ноги, – я слышу. Спасибо, голубчик.

По корабельному водопроводу зашумела вода. Академик набрал полный бачок и с шумом стал умываться, прогоняя остатки сна.

## Глава 4

На верхней палубе у батискафа уже сустились члены команды батискафа и техники, в который раз дотошно проверяя готовность каждого узла и агрегата к погружению. Владимир Феоктистович удовлетворенно кивнул, достал старенький диктофон, глянул на часы и, поднеся плоскую коробочку ко рту, пробубнил:

– Корабельное время шесть часов сорок пять минут. До погружения осталось час пятнадцать минут. Члены команды проверяют готовность батискафа к выполнению задания.

Немного отмотав ленту назад, академик прослушал окончание фразы, убедился в исправности своего «походного журнала» и поднялся в ходовую рубку. Он тепло поздоровался с капитаном «Академика Королева», штурманом и надолго припал к окулярам бинокля, разглядывая темно-серую поверхность моря.

– Погода шепчет, Владимир Феоктистович, – веселым голосом нарушил тишину в рубке штурман, по-своему поняв озабоченность академика. – Я уже связывался с синоптиками, – сообщил он, – море спокойное. На ближайшие часы волнение не будет превышать одного балла, ледяные поля отошли на север. Да и не бывает здесь в июле большого льда, – добавил штурман с видом заправского моряка-полярника, – так, разве что отдельные экземпляры...

– Вот-вот, – озабоченно произнес Владимир Феоктистович, не отрываясь от оптического прибора. Он подолгу рассматривал каждый дюйм моря, каждую подозрительную тучку, по опыту зная, какими коварными бывают северные моря, как быстро у них может смениться полный штиль на внезапный шторм. Хотя июль в этих широтах не самый коварный для судоходства месяц, но цена их экспедиции слишком высока, и надо было исключить любой риск и неожиданность.

– Видимость тоже обещают хорошую, – снова сослался на прогноз синоптиков штурман, – от айсберга, если таковой и будет, уйдем запросто. Чай, не на «Титанике»... – шутливо добавил штурман, но острота никого в рубке не развеселила, и моряк досадливо замолчал. Наконец, когда геофизик отложил бинокль в сторону, к нему подошел капитан.

– Ну что, Владимир Феоктистович? – Он озабоченно глянул на академика, понимая, что сейчас главный на капитанском мостике – ученый, и окончательное решение о погружении принимать не ему, капитану научно-исследовательского судна, а руководителю экспедиции академику Коноваленко.

– С богом, – принял решение Владимир Феоктистович, крепко пожал руку капитану, потом штурману и направился к своей команде, все еще сустившейся у стоящего на палубе батискафа.

– Ну что, друзья-товарищи, выпались? – бодро обратился ученый-геофизик к членам своей глубоководной экспедиции и громко, словно старого друга, хлопнул по прочному стальному корпусу батискафа. От тревожных дум на его лице не осталось и следа. – Как настроение?

– Настроение самое что ни на есть боевое, Владимир Феоктистович, – в тон ученому первой откликнулась Плужникова, – а спалось неважно, – закончила она импровизированный доклад.

– Что так? – вскинул брови академик.

– А у меня как-то не очень получается спать, когда за окошком светит солнышко, – честно призналась девушка, намекая на полярный день. – Биоритмы, все никак не могут приспособиться. Вроде бы и спать хочется, а ляжешь – сон и уходит... Но я себя прекрасно чувствую, – поспешила добавить врач, увидев некоторую озабоченность на лице руководителя экспедиции, – это я вам как врач говорю, – добавила она веский аргумент медика.

– А вы как, Георгий? – поинтересовался Владимир Феоктистович у доселе молчавшего техника. – Как самочувствие?

– А что у меня может быть? – Жора Портнов скатился со стального бока батискафа, откуда он наблюдал, как судовая команда заводит на лебедки толстые стальные тросы. – Все нормально, по расписанию. Микропомпы в порядке, буры проверил, камеры видеосъемки исправны, рука-манипулятор работает как часы. Посмотрим, как это все будет функционировать в море, а к палубному осмотру у меня претензий нет. К погружению готов.

– И у меня тоже, – уже более серьезным тоном добавила Людмила, поняв, что за шуточным обращением руководителя экспедиции стоит ожидание доклада о готовности, а не формальное поднятие духа. – Радио в порядке, медицинское оборудование – тоже...

– Какое еще медицинское оборудование? – искренне удивился Владимир Феоктистович, который лично не раз и не два облазил в батискафе каждый сантиметр.

– Ну, корабельная аптечка, – уточнила девушка, немного сконфузившись.

«И на кой она нам нужна? – снова подумал академик. – Зеленкой, что ли, смазывать? Ладно, не время сейчас. Чего уж...» – он снова глянул на часы и поднес к губам диктофон:

– Корабельное время семь часов двадцать две минуты. До погружения осталось тридцать восемь минут. Портнов и Плужникова доложили о полной готовности аппарата к выполнению задания. Метеорологический прогноз благоприятный.

Закончив свой доклад, Жора снова стал вскарабкиваться на верхнюю часть батискафа, а Людмила застыла, с удивлением глядя, как шеф что-то шепчет в ладонь.

– Владимир Феоктистович, – поинтересовалась она после того, как академик спрятал продолговатую коробочку в карман куртки, – а что это у вас?

– Это? – Ученый снова достал из кармана черный прямоугольник. – Это самый обычный диктофон.

– А зачем он вам? – продолжила удивляться Людмила. – Да еще... – она оценивающе глянула на записывающее устройство, – это же раритет. Где вы только его откопали?

– Попрошу относиться к моему товарищу уважительно, – с наигранной строгостью отозвался академик. – Тут и диссертации мои, и научные статьи, и лекции, и многое другое. А раритет... Ну правильно, раритет, – подтвердил Коноваленко, – мне его лет сорок назад на Конференции в Токио подарил один японский товарищ. Капитан рыболовецкой шхуны. Их во льдах затерло, ну пришлось нам тогда их, как челюскинцев, снимать со льдины. Вот в знак благодарности нашел меня и преподнес. С тех пор я с ним не расстаюсь.

– Владимир Феоктистович, – Людмила удивленно приподняла плечики, – да на борту батискафа с десятков самописцев. И технические параметры записывают, и все переговоры, и состояние за бортом, и бог знает еще что...

– Знаю, знаю, голубушка, – немного раздосадованно произнес академик, – но отделаться от этой привычки не могу. Как от курения. На ту пору, сорок лет назад, – уточнил он, – в заполярье да на зимовках эта штука была просто необходима. На самописцы мы тогда не богаты были. Да и какая машина может заменить впечатления? Да и не силен я машинные записи расшифровывать: все эти пиксели-шмиксели... А тут послушал, проанализировал, и картинка у тебя перед глазами, и впечатления сразу возвращаются. В пылу работы не все ведь попадает в поле внимания. Обязательно что-то да ускользнет. И зачастую это что-то оказывается ой каким важным! Так что вы уж не обращайтесь внимания на эту мою стариковскую странность, – попросил академик и дружелюбно похлопал девушку по плечу.

На всех палубах и в каютах затренькали корабельные звонки, и капитан «Академика Королева» объявил для экипажа и членов экспедиции пятнадцатиминутную готовность. Владимир Феоктистович, глянув на часы, пробурчал в диктофон: «Корабельное время семь сорок пять. До погружения пятнадцать минут. Экипаж занимает свои места», – и первым полез в стальной корпус батискафа. За ним последовали врач-радист Людмила Плужникова и техник-пилот Георгий Портнов.

– Ну что, Людочка, волнуетесь? – за все время их знакомства академик, пожалуй, впервые обратился к девушке так неформально. Было видно, что еще не известно, кто из всех членов экипажа волнуется больше: Плужникова, которая никогда не бывала в подобных экспедициях и не могла догадываться обо всех подстерегавших их возможных опасностях, или академик и Жора Портнов, которые уже неоднократно совершали подобные погружения. Правда, на такую глубину всем троим приходилось опускаться впервые.

– И не в таких передрягах бывали, – голосом морского бродяги проскрипел Жора, непрерывно вращая какие-то рычажки, щелкая тумблерами, клавишами. – Плавали. Знаем, – добавил он, деловито постукивая ногтем по шкале то одного, то другого прибора.

– А вдруг на нас нападет какое-нибудь гигантское, неизвестное чудовище? – мечтательно произнесла девушка, очевидно, вспомнив какой-то фантастический роман. – Я совсем недавно читала в какой-то газете, что в этих широтах водятся гигантские кальмары...

– Не читайте никаких газет, – посоветовал академик Коноваленко, – особенно идиотских и особенно на свежую голову. Пятиминутная готовность к погружению, – произнес он, по привычке поднеся ко рту диктофон.

– Прямо как в космос собираемся, – прошептала девушка, глядя расширенными от восхищения глазами, как под руками опытного пилота Жоры небольшое пространство батискафа начинает оживать, освещаясь десятками разноцветных лампочек, мониторами и шкалами многочисленных приборов с цифрами и данными.

– Считайте, что мы туда и летим, – отозвался академик, внимательно прислушиваясь к докладам и не переставая наговаривать что-то в свой «походный журнал». – Еще неизвестно, что больше изучено – космос или арктическое дно океана.

– Владимир Феоктистович, – в тесном пространстве батискафа голос капитана «Академика Королева» прозвучал неожиданно громко. – Ни пуха вам ни пера!

– К черту... – чуть подсевшим голосом отозвался Коноваленко, и экипаж глубоководного аппарата почувствовал, как толстые тросы качнули их батискаф, отрывая его от палубы, а уже через минуту воздушная качка сменилась морской.

– Мы на поверхности, – доложил Портнов, начинаю погружение...

– Через восемь часов ждем вас обратно, – снова пожелал голос капитана научно-исследовательского судна, – счастливо!

– Ну, с богом, – тихо прошептал академик, и небольшое, хрупкое на вид подводное суденышко стало медленно опускаться к намеченной цели.



## Глава 5

– Двести метров, погружение в штатном режиме. Триста метров, погружение в штатном режиме. Четыреста метров, погружение в штатном режиме... – отчитывался за каждую сотню метров Портнов, и после пятисотметровой отметки предстартовое напряжение экипажа глубоководной экспедиции стало спадать. Да и как иначе? Все приборы и агрегаты батискафа работали нормально. Две тысячи метров – глубина, конечно, солидная, но металлические бока подводной малютки испытывали и на куда большую прочность. При желании можно было нырнуть и на дно Марианской впадины. Корпус батискафа справился бы и с таким давлением. Погружение должно было занять еще около часа, и нервничать особо пока не стоило. Да и повода пока, тьфу-тьфу-тьфу, не имелось.

С «Академика Королева» то и дело справлялись о ходе погружения, и даже по голосу можно было догадаться, что наверху нервничают не меньше тех, кто сейчас все глубже уходил под воду. Капитан научно-исследовательского судна то и дело справлялся о состоянии экипажа и батискафа, готовый в любую минуту прийти на помощь. Хотя, случись что, вряд ли «Академик Королев» смог бы чем-нибудь помочь, особенно когда глубиномеры стали показывать отметки больше тысячи метров.

Впрочем, само погружение на двухкилометровую глубину было делом не самым сложным и не пугало начальника экспедиции Коноваленко. Оказавшись на дне, предстояло выполнить целый ряд научных изысканий, бурение скважины на несколько десятков метров, забор проб грунта, воды и еще с десятков всяческих манипуляций, в том числе установка на арктическом дне российского триколора.

Жора Портнов был опытным пилотом-глубоководником: этого у него не отнимешь. Но вот бурильщиком его назвать можно было с натяжкой. Да и не знал Владимир Феокистович такого специалиста-универсала, способного и батискафом мастерски управлять, и быть асом в глубоководном бурении. Это вот только их барышня – специалист широкого профиля.

Коноваленко краем глаза глянул на девушку. Та сидела и широко распахнутыми глазами смотрела в небольшие мониторы двух камер внешнего обзора. Картинка за бортом была, конечно, не телевизионного качества, похуже, да и обзор не такой, как на пятиметровой глубине Красного моря, но полюбоваться все-таки было чем. Формами жизни просторы Северного Ледовитого океана матушка-природа тоже не обделила. Не тропическое буйство красок, конечно же, но свои прелести были и здесь.

– Владимир Феокистович, мы на месте, – доложил Портнов, и в подтверждение его слов экраны внешних мониторов заволочло взвесью донного ила и песка. – Уложились точно в график, – Жора глянул на часы, – даже на три минуты раньше, – удовлетворенно добавил он, довольный и собой, и тем, что первая фаза задания прошла так удачно.

– Та-а-ак, – академик с азартом потер ладонью о ладонь, – приступим, так сказать, к основной части нашей работы, – он поудобнее устроился рядом со своим подчиненным, водрузил на нос очки и стал внимательно смотреть в мониторы, изучая небольшой освещенный пятнышко морского дна – хребта Ломоносова, на котором сейчас покоился батискаф. – Знаешь что, Жора, – задумчиво пробормотал геофизик, не отрываясь от экранов, – давай-ка мы возьмем пробы прямо здесь. А потом продвинемся чуть в сторону, вот сюда, – Владимир Феокистович ткнул пальцем в дисплей, на котором тонкой зеленой линией были изображены причудливые очертания морского дна. – Сколько до этой точки? – академик указал на угол картинки. – Хотя бы примерно?

– Зачем примерно? – пожал плечами Портнов, покрутил под прибором лимб, совместил какие-то цифры и доложил: – Шестьсот восемьдесят четыре метра.

– Вот, значит, бурим скважину на этом месте, а потом надо будет взять пробы там, – сформулировал окончательную задачу академик.

– Сделаем, Владимир Феоктистович, – бойко отозвался техник, ободренный первыми успехами, и живо забарабанил пальцами по клавиатуре бортового компьютера, отдавая команды для подготовки к бурению. – А с флагом-то что делать?

– С каким флагом? – не сразу сообразил геофизик, поглощенный созерцанием картинки. – А-а-а-а, с флагом... – Академик на секунду задумался, оторвавшись от визуального изучения океанского дна, потерев кончик носа и, досадливо махнув рукой, добавил: – Да воткни его где-нибудь здесь.

– Ну вы даете, Владимир Феоктистович, – со смешком в голосе бросил Жора. – Я так думал, что это чуть ли не главная наша задача!

– Какие глупости! – От возмущения академик даже насупил брови. – Кому этот флаг здесь нужен? Кто его будет искать?

– А зачем его искать? – логично возразил Георгий, осторожно работая рукой роботоманипулятора, держащей в плотном зажиме титановый российский триколор. – Сейчас мы его аккуратно поставим, все это дело красиво заснимем на пленочку, – с этими словами Жора включил специальную видеокамеру, расположенную прямо на руке-манипуляторе, и на широком пульте тут же зажегся еще один монитор, на котором рука робота бережно несла государственный флаг России. – Оп! – воскликнул техник, примостив на илистое дно триколор. – И – будьте любезны, господа мировые буржуины! На этот кусок хребта рот больше не разевай! Не сложнее, чем управляться с джойстиком, – гордо подытожил техник.

– Хорошая работа, – не без восхищения похвалил подчиненного академик. – Молодец. Только вся эта операция, которую ты только что так блестяще проделал, никакой юридической силы не имеет. Так, политический выпендрей. Фикция. Символ – не более того.

– А чего ж мы с вами тогда тут е... Простите, – поперхнулся Жора, вспомнив, что на борту кроме него и академика присутствует еще и хорошенькая женщина, – чего ж мы корячились? – В очередной раз пробежавшись пальцами по клавиатуре, он запустил глубоководный бур.

– А вот, собственно, для этого самого, как ты выразился, и корячились, – академик указал подбородком на небольшое компактное сооружение на дне океана, в котором и скрывался бур. – Такой технологии, Георгий, еще ни у одной страны мира нет. Этот бур уникален. Он специально создан для нашей экспедиции и способен брать образцы с глубины в несколько десятков метров. Тридцатиметровую скважину и на земле не так-то просто пробурить, а уж на дне океана... Так что у нас сейчас начинается самый ответственный момент – испытания. Будь аккуратнее. За этой технологией труд не одного десятка ученых.

– Сделаем, Владимир Феоктистович, – проговорил Портнов и сосредоточился на работе.

В небольшой бункер, расположенный прямо внутри батискафа, начали поступать первые пробы грунта, и академик, словно гончая, азартно и споро стал перебираться к нему по узкому проходу.

– Людочка, – взмолился академик, запутавшись в проводах, – можно это все поснимать? – Он беспомощно протянул к врачу руки. К обоим запястьям и вискам академика и техника пластырем были прикреплены датчики, от которых свешивались тонкие провода, в которых и запутался Владимир Феоктистович. – Ей-богу, не до ерунды сейчас!

– Это для вас ерунда, – женщина строго глянула на руководителя экспедиции, – а для меня эта работа не менее важная, чем ваш донный песок.

– Грунт, – поправил академик.

– Сами же говорили, что почти в космос летим, – напомнила Плужникова, – в неизвестность. Так что уж будьте добры, потерпите.

– Ну тогда хоть помогите выпутаться из этого клубка, – взмолился академик, беспомощно разглядывая хаотичное переплетение проводов.

– Владимир Феоктистович, как там у вас? – поинтересовался с поверхности моря встревоженный голос капитана «Академика Королева». – Все в порядке?

– Да, – отозвался Коноваленко, освобождаясь от медицинской паутины, – начали бурение первой скважины, потом я хочу отойти метров на шестьсот-семьсот в сторону и пробурить еще одну. Когда еще будет такая возможность? Техника вроде бы в порядке.

– Боюсь, со второй скважиной у вас не получится. – Теперь уже все члены подводной экспедиции ясно уловили в голосе капитана научно-исследовательского судна не просто озабоченность, а явную тревогу. – Владимир Феоктистович, срочно сворачивайте работы, – попросил капитан надводного судна.

– Что там у вас стряслось, Степан Тимофеевич? – Коноваленко резкими движениями посрывал с рук и со лба датчики и придвинулся поближе к переговорному устройству. Приказывать начальнику экспедиции во время эксперимента капитан «Академика Королева» не мог и если уж решился на такой шаг, значит, обстановка на поверхности океана действительно сложилась угрожающая.

– На нас движется ледник, – коротко доложил капитан.

– Какой ледник? – не понял академик. – Айсберг?

– Ледяное поле, – пояснил капитан, – и среди него несколько довольно внушительных айсбергов.

– Ничего не понимаю, – Владимир Феоктистович глянул на часы, – два с половиной часа назад ничего не было и даже не предвещало ничего подобного, а тут вдруг – целое поле льда. Откуда?

– Не знаю, Владимир Феоктистович, – озабоченно отозвался голос с «Академика Королева» и добавил: – Машинному – самый малый назад.

– А синоптики что? Спутниковый мониторинг? – продолжал допытываться Коноваленко. – Они же утверждали, что море чистое. И штурман твой... Что, прошляпили целое поле? Как же так, Степан Тимофеевич?

– Ледник-то ведь рядом, – донесся с поверхности океана голос капитана научно-исследовательского судна, – и двадцати миль не будет...

– Я знаю, что ледник рядом, – стал закипать академик, – только не время сейчас для схода льдов и айсбергов. И потом, как это они могли прошлепать за два с половиной часа двадцать миль, а?

– Понятия не имею, Владимир Феоктистович, – оправдывался капитан. – Знаю, что льдам еще рано здесь появляться, знаю, что течение хоть и от ледника, но не очень сильное, чтобы преодолеть такое расстояние, но... Я констатирую факт, Владимир Феоктистович, а разбираться в причинах будем потом. Прекращайте работы и немедленно поднимайтесь на поверхность, – голос капитана «Академика Королева» прозвучал уже более требовательно.

– Вот что, Степан Тимофеевич, – возразил Коноваленко с такими же стальными нотками в голосе, – всплывать я не буду. Я почти десять лет ждал этого момента. Десять лет! – повторил академик. – Понимаешь? Эксперимент я закончу, – отрубил академик и добавил: – Делай там что хочешь, маневрируй, лавируй, на то ты и капитан. В конце концов, у тебя там солнце над макушкой, видимость отличная, от айсбергов уйдешь.

Начальник экспедиции был вне себя от злости. Ну как это так?! Такая подготовка, на самом высоком уровне, сколько людей работали, сколько средств в этот проект вложили и – на тебе! Все-таки что-то да прошляпили! И ладно бы какая-то внештатная ситуация случилась здесь, на дне, во время самого эксперимента. Это было бы понятно – не все капризы океана предугадаешь. Так ведь нет же! Господа синоптики опростоволосились! Чтoб им их барометры...

– Володя, – в голосе капитана «Академика Королева» чувствовалась уже не просто тревога, а растерянность. С Коноваленко он не впервой бороздил просторы Северного Ледовитого

океана и цену слова геофизика знал. – Володя, – снова слышалось из динамика, – ничего я тебе не наманеврирую. Нас тут еще и туман накрыл...

– Ничего себе компот... – пробормотал Жора, растерянно глядя через плечо на руководителя экспедиции. – Это кому-то точно за такие вещи надо башку оторвать.

– Всплываю немедленно, – коротко ответил геофизик. – Что там у вас еще? – на сей раз в голосе Коноваленко прозвучала неподдельная тревога. Кроме научного звания «академик» Владимир Феоктистович к тому же был еще и опытным полярником. А посему не понаслышке знал, что может случиться, когда в туман корабль попадает в ледяное поле, к тому же приправленное парой-тройкой айсбергов. И хоть «Академик Королев» помимо научно-исследовательского считался еще и ледокольным судном, все-таки это был не атомный ледокол «Ленин», и устоять против плывунов и айсбергов ему было очень и очень тяжело. Практически невозможно.

– Владимир Феоктистович, – снова по громкой связи включился в разговор капитан «Академика Королева», – если у вас все в порядке – всплывать не надо. Оставайтесь на месте.

Кроме напряженного голоса капитана Бортникова в батискаф ворвались тревожные звонки, обрывки отрывистых команд, выкрики вахтенных моряков, и сразу стало понятно, что там, наверху, происходит что-то непонятное и опасное.

– Степан Тимофеевич! – чуть ли не взмолился геофизик и растерянно глянул на членов своего экипажа, за жизни которого он отвечал. – Да что там, в конце концов, происходит?

– Володя, поле нас уже накрыло, – коротко ответил капитан «Академика Королева». – Выбор у меня небольшой... Лево руля! – приказал он кому-то невидимому и продолжал: – Льды плотные, маневрировать я не могу. Если угроблю судно – конец и нам, и вам. И вероятность этого очень велика. Поэтому решение тут может быть одно: чтобы не потерять батискаф и не повредить соединительные кабели, трос и шланги, я отдал команду отсоединить их и оставить на время в подвешенном состоянии. Все это хозяйство прикрепится к понтону, и я постараюсь вывести судно из льдов. Понтон, сам знаешь, вещь надежная, и с ним вряд ли что может случиться. Я уже связался с метеорологами. Ледяное поле не широкое, с учетом скорости движения часа через два мы сможем вернуться, подобрать и снова подсоединить все системы вашего жизнеобеспечения. Другого выхода нет. Самый полный назад! – снова выкрикнул капитан и добавил: – Ложитесь на грунт и ждите. Мы за вами скоро вернемся.

Радио смолкло. В утробе батискафа наступила нехорошая, зловещая тишина. Приятного в создавшейся ситуации было мало – это понимали все. Однако всплывать вслепую, рискуя напороться на льдину или айсберг, было равносильно самоубийству. Об этом и думать было нечего. Рисковать экипажем «Академика Королева» и самим судном означало рисковать и командой батискафа. Решение капитан принял правильное и, скорее всего, единственно верное. Оставалось уповать на профессионализм метеорологов и точность их прогноза...

– Жора, – тихо позвал своего подчиненного Коноваленко.

– Да, Владимир Феоктистович, – живо отозвался тот.

– Мы в этом месте закончили бурение? – вяло поинтересовался академик.

– Да, – подтвердил Портнов.

– Тогда давай-ка потихонечку двинемся к той точке, которую я ранее определил, – попросил геофизик, – дно тут мне не нравится. Как бы нам за два часа к нему не прилипнуть. Не хватало нам еще этой головной боли, – с тоской добавил член Российской академии наук и уточнил: – Времени у нас теперь хватает. Ты, Жора, давай поищи местечко, чтобы поменьше ила было. Может, и поработаем еще. Чего нам зря время терять? Правильно, друзья? – добавил академик уже куда более жизнерадостным тоном. Как ни крути, а главным здесь был он – Коноваленко. И отвечал за все тоже он. В том числе и за моральный дух экипажа.

– Сделаем, Владимир Феоктистович, – не особенно бойко, но и без паники откликнулся Портнов, глянул на мониторы внешнего наблюдения и не без удивления позвал академика: – Глядите, глядите, Владимир Феоктистович! Что это? – Он указал пальцем на один из экранов.

В слабом луче прожектора, направленного вверх, в сторону жгута кабелей, соединительного троса и шлангов, как раз над батискафом, зловещей тенью проплыло нечто огромное и скрылось в черной толще воды.

– Что это? – полушепотом повторил свой вопрос техник, глянув через плечо на академика, как единственного из их команды, кто мог более или менее внятно объяснить, откуда в Северном Ледовитом океане на глубине двух тысяч метров могло взяться это нечто огромное.

– Н-н-н-не знаю, – с задумчивым видом качнул головой академик, – это может быть все, что угодно...

– Такое здоровое? – не унимался Жора.

– Ну, – пожал плечами Коноваленко, – в таком свете, знаете ли, и какое-нибудь ластоногое может показаться гигантским. А может быть, какой-нибудь погибающий кит. Видеокамеры ведь это записали? – поинтересовался академик.

– Да, – подтвердил Георгий, – они работают в постоянном режиме.

– Ну вот, – подытожил геофизик, – чего сейчас гадать? Вернемся на «Академик Королев», рассмотрим получше, тогда уж можно будет сказать что-то более определенное.

– Владимир Феоктистович, – вклинилась в разговор мужчин молчавшая доселе Людмила, – «Академик Королев» посылает сигналы бедствия, – произнесла она, еле шевеля губами, – судно передает SOS. Они гибнут...

## Глава 6

– Товарищ командир, – дежурный офицер связи поднялся со своего места и подошел к Морскому Волку, протягивая листок бумаги, – вам срочная шифрограмма из штаба Балтфлота.

– Что там еще? – обеспокоенно пробурчал Макаров, принимая депешу. Недовольство командира можно было понять. Сколько он себя помнил, поздравлений по шифрованному каналу из штаба флота не присылали никогда. Только приказы или новые вводные. И, как обычно, тогда, когда до родной базы остается всего-то несколько суток ходу. Так, пустяки, обогнуть Скандинавский полуостров.

Хоть не читай, честное слово! Экипаж почти месяц не видел берега, и у Морского Волка поднакопилось приличное количество неотложных дел: коммунальщикам заплатить, а через пять дней неплохо бы попасть на свадьбу к однокурснику, опять же – просто хотелось посидеть вечером в ресторане «Волна», попить водочки, познакомиться с какой-нибудь прекрасной незнакомкой...

Илья Валентинович со вздохом развернул сложенный пополам листок. Быстро пробежав по тексту глазами, Макаров протянул послание старшему помощнику.

– Владимир Борисович, проложите новый курс на Мурманск. Сколько до него?

– Да, наверное, в перископ видать, – пожал плечами штурман, глянув на приборы, – мили две, две с половиной.

– Поднять перископ, – приказал командир и прильнул к окуляру. В перископном кругляше отчетливо был виден грузовой порт северного российского города. Можно было даже разглядеть попивающую пиво бригаду отдыхающих докеров. Везет же людям! Пивко потягивают, на солнышке греются. Что ни говори, а лето – штука хорошая...

– Командуй, старпом, – распорядился Морской Волк, разглядывая береговые пейзажи, – идем на мурманскую базу. Запросите разрешение на вход. По-видимому, нас там уже дожидаются, – добавил капитан второго ранга, углядев в мощный оптический прибор до боли знакомую легковушку со слегка тонированными стеклами. Номера на машине разглядеть на таком расстоянии было невозможно, но Макаров голову мог бы дать на отсечение, что это лимузин его непосредственного начальника вице-адмирала Столетова.

Спустя некоторое время субмарина вошла в подземный бокс. Как предмет научной гордости и вершина секретных российских технологий, «Макаров» никогда не афишировал своего присутствия. Где бы ни находился. Тем более на военно-морской базе. Технологии ведь сейчас такие, что со спутника можно прочесть выставленную в витрине киоска газету, не то что разглядеть главные достижения наших ученых – внешнее покрытие, делающее подводную лодку практически невидимой. А по характеру обшивки можно догадаться и о технологии. Конечно, как всякое подводное судно, «Макаров» не мог находиться под водой бесконечно долго, и время от времени ему приходилось всплывать. Но одно дело – вынырнуть на поверхность океана в какой-то случайной, непредсказуемой точке, и совсем другое – на базе флота. Уж что-что, а такие объекты находятся под самым пристальным вниманием. И не только спутников-шпионов.

Так что даже при входе в родные пенаты приходилось соблюдать режим секретности: в подводном положении пробираться между корпусами эсминцев, тральщиков и сторожевиков.

Морской Волк не ошибся. Прямо у кнехтов подводного бункера-стоянки маялся вице-адмирал Столетов, ожидая, когда же пришвартуется субмарина.

Такие хорошо оснащенные и, главное, скрытые от посторонних глаз базы для «Макарова» имелись практически по периметру всех морских границ бывшего Советского Союза. Дело в том, что в этом самом бывшем Советском Союзе уже предпринималась попытка создать нечто, вроде «Макарова» – мини-подлодки-разведчики класса «М». Их называли «Пирания».

Маневренные, небольшие по размеру, они должны были быть способны выполнять разведывательные и диверсионные функции. В то же время настроили дюжины замаскированных стоек и даже выпустили со стапелей около десятка субмарин, но оказалось, что эти крошки малоэффективны – раз, очень дороги в обслуживании и эксплуатации – два. Лодки небольшие, топлива много взять не могут, следовательно, радиус действия небольшой. Какие диверсии можно было совершать в своих территориальных водах? Во всяком случае, до Америки они точно добраться не могли. Но это еще полбеды. Окончательный крест на производстве этих подлодок поставил тот факт, что их легко обнаруживали. Засекали их и наши военные корабли, и натовские. Уж пытались гугукать «под китов», и кашалотами прикидывались, и бревном – ничего не помогало. А что же это за диверсант, которого за версту, точнее, за милю видать? Производство, понятное дело, закрыли, а базы законсервировали. На всякий случай. И правильно сделали, потому что для одного «Макарова», понятное дело, по всем морским границам России никто бы не стал рыть подводные катакомбы. А вот старые базы пришлось для нашей секретной субмарины весьма кстати.

Едва между подводной лодкой и берегом был перекинут мостик, как Морской Волк проворно сбежал по нему, вытянулся перед начальством в струнку и вскинул к козырьку фуражки руку:

– Товарищ вице-адмирал... – начал капитан второго ранга, но Столетов тут же остановил его:

– Вольно, Илья Валентинович, – с этими словами он подхватил Морского Волка под локоть и, словно барышню, галантно потащил в сторонку, подальше от чужих глаз и ушей.

– Мне очень жаль, Илья Валентинович, – начал с извинений вице-адмирал, когда оба моряка оказались в одиночестве, – понимаю, что участвовали в походе, в учениях и так далее, что команда месяц не была на берегу, но вам приказано через час выйти в море.

– Как через час? – опешил Морской Волк. – И на сколько времени?

– Не знаю, – честно ответил начальник.

– А продовольствие? Топливо? Вода?

– За час вас загрузят под завязку, – вице-адмирал кивнул за спину Морского Волка, в сторону «Макарова». Пространство возле субмарины на глазах превращалось прямо-таки в настоящий муравейник. Обслуживающий персонал облепил прибрежную полосу, точно мураши. Казалось, что возле подлодки клокочет какой-то хаотический ручей, но, присмотревшись, можно было разглядеть, что люди организованы не хуже этих трудолюбивых насекомых. Каждый человек действовал точно и четко, со знанием дела подключая кабели питания, трубы подачи воды и топлива, торопливо бегая с ящиками по трапу от грузовиков к открытому люку субмарины. Все происходило быстро, без лишней суеты, без шума, и Морской Волк понял: где-то случилось нечто такое, что дорог не просто каждый час, а каждая минута, если не секунда.

– Сергей Константинович, – спросил Макаров, – что произошло, где и что мне предстоит выполнять?

– Слышал про нашу экспедицию к подводному хребту Ломоносова? – вместо ответа спросил Столетов.

– Новости смотрю, – ответил Морской Волк и добавил: – Это где-то здесь, в Арктике.

– Правильно, – поддакнул вице-адмирал.

– Давайте с этого момента поподробнее. – Макаров сосредоточился, приготовившись внимательно слушать. Случалось, и не раз, что мелочь спасала жизнь не только ему, но и экипажу его субмарины.

– А вот с подробностями, Илья, хреново, – печально произнес вице-адмирал и нервно потер висок. – Известно только, что на точку погружения научно-исследовательское судно «Академик Королев» вышло без проблем. Спускаемый аппарат был в норме, и сегодня в восемь утра по Москве батискаф начал погружение и достиг дна. Дальше квадрат накрыло

плотным туманом, и откуда-то принесло поле крупного льда и айсберги. Системы жизнеобеспечения батискафа подвесили к понтону, а сами пытались вырваться и уйти. Не вышло. Получили пробоину ниже ватерлинии, и наше научное судно топориком пошло ко дну.

– Интересно, – задумчиво произнес Макаров, ничуть не смутившись тем, что перебивает своего начальника. – Отдельные айсберги в это время года – это еще куда ни шло. Бывает. Но про целые поля я что-то ничего не слышал...

– Я тоже, – кивнул вице-адмирал и продолжал: – Спустя полтора часа экипаж «Академика Королева» подобрал шведский сухогруз, и наш капитан вышел с борта этого сухогруза с нами на связь. Понятное дело, что по причинам конспирации он нам всего рассказать не мог. Шведы, сам знаешь, они себе на уме...

– А что рассказать-то? – искренне удивился Макаров.

– Про батискаф наш, который остался на дне, – нетерпеливо пояснил вице-адмирал, – шведам знать совсем необязательно. Как и американцам.

– А янки-то здесь при чем? – Морской Волк снова не понял хода мыслей начальника.

– А при том, что на сигнал «SOS» откликнулся американский корвет и спустя два часа прибыл в квадрат. Он, кстати, до сих пор там курсирует. А поскольку миссия секретная...

– Господи, да что там секретного в этом батискафе? – искренне изумился капитан второго ранга. – Про него все уши в новостях прожужжали, и тут – на тебе! Секретная миссия!

– А вот это, Илья, не твоего ума дело. И не моего – тоже, – примирительно добавил Столетов. – Москва сказала – секретная, значит, так оно и есть.

– Понятно, – обреченно вздохнул Морской Волк, – дело привычное... Я так понимаю, что мне надо будет вызволить этих горе-ученых? – резонно предположил капитан второго ранга, глянув на своего патрона.

– Именно так, Илья Валентинович, – подтвердил вице-адмирал догадку Морского Волка. – Это решение принято на самом высоком уровне. – Столетов многозначительно воздел к небу указательный палец.

– Понятно, – смиренно произнес Макаров, на секунду задумался, прикинул что-то в уме и обратился к своему начальнику: – Тогда, Сергей Константинович, расскажите мне хотя бы то, что вам известно. Сами понимаете, – пояснил он, – тут важна каждая мелочь.

– Спрашивай, – с готовностью согласился вице-адмирал, – расскажу все, что знаю.

– Что это за секретность такая? – Морской Волк решил начать сразу с главного.

– Не знаю, – честно ответил Столетов. – Во всяком случае, по военно-морскому ведомству ничего особого не проходило. По крайней мере, ни о каких испытаниях какого-либо нового секретного оружия или каких-то систем я ничего не слышал.

– Ладно, верю, – согласился капитан второго ранга, проследив за мимикой начальника, – тогда какого лешего делать из обычной нештатной ситуации такую тайну? И как я их буду спасать? Вы ведь, Сергей Константинович, сказали, что батискаф лег на грунт, так, да? – задал он очередной вопрос начальнику, и тот согласился:

– Так. Во всяком случае, с научно-исследовательского судна пришла именно такая информация.

– А это, насколько я помню по выпускам новостей, на глубину порядка где-то около двух километров, правильно? – поинтересовался Морской Волк.

– Верно, – снова подтвердил слова подчиненного Столетов. – И что, у твоего экипажа нет навыков работы на такой глубине? – в свою очередь, задал вопрос вице-адмирал.

– Навыки-то есть, – Морской Волк неопределенно махнул рукой, – не в этом дело. Просто мне непонятно: не проще ли подогнать пару спасательных судов и спокойно, без «чрезвычайки» поднять на поверхность и людей, и эту странно засекреченную глубоководную научную консервную банку?



– Я это уже предлагал, – вздохнул Столетов, – говорил и о том, что спасательная операция с участием «Макарова» вызовет куда больший резонанс и привлечет намного больше внимания, чем просто спасательная операция гражданского флота. Не дай бог, конечно, если на тебя там кто-то нарвется, – суеверный Столетов мелко перекрестил Морского Волка, – но в штабе понимающе покивали и приказали исполнять операцию с помощью твоего экипажа. Тут, Ильяша, дело уже решенное.

– Это-то я понял, – Макаров снова досадливо махнул рукой, – я просто хочу понять, с какой стороны мне ждать подвоха. Коль уж все так сверхсекретно, значит, об этом обязательно знает кто-то посторонний. Сколько раз убеждался на личном опыте.

– Ну, Илья Валентинович, тут уж я не знаю, чем тебе помочь, – вице-адмирал пожал плечами, – я и сам-то толком ничего не знаю.

Морской Волк снял фуражку, сунул ее под мышку левой руки и забарабанил по лакированному козырьку пальцами правой, сосредоточенно о чем-то думая. Столетов тоже замолчал, не желая отвлекать подчиненного от размышлений.

– Товарищ вице-адмирал, – прервал наконец короткую паузу Макаров, – насколько я себе представляю – до хребта Ломоносова моему кораблю отсюда хода суток пять-шесть, если не больше. Я, правда, по северным морям не большой специалист, все больше по южным широтам, но так, навскидку, могу себе представить, где это.

– Все верно, – согласился Столетов. – Что ты хочешь этим сказать?

– С устройством глубоководного научно-исследовательского батискафа я, конечно, не знаком. Особенно с его секретной частью, – добавил Морской Волк с иронией, – но могу предположить, что запаса кислорода на нем, при всех ухищрениях и изысках, хватит часов на пятнадцать-двадцать. Максимум – на сутки. Сколько уже прошло времени с момента погружения?

– Четыре часа, двадцать шесть минут и сорок три секунды, – педантично ответил вице-адмирал, глянув на «Командирские». Эту марку часов он носил уже лет сорок и отказался бы променять ее даже на дорогостоящий «Ролекс».

– Сергей Константинович, – Морской Волк снова пристально посмотрел в глаза вице-адмирала, – кого мне нужно будет спасать? Или, вернее – что? Как я понимаю, живых там уже не будет. Мне нужно снять и доставить какое-то секретное оборудование?

– Нет, – вице-адмирал коротко дернул головой, – спасать надо как раз именно людей.

– Что-то я, Сергей Константинович, не понимаю, – удивился Макаров, – с математикой я вроде бы всегда дружил, а вот тут как-то у меня цифры не складываются. Я ж не птица. За два часа я до нужного места никак не доберусь.

– Доберешься, – уверенно констатировал Столетов, загадочно улыбаясь, и эта загадочность вывела из себя Макарова.

– Сергей Константинович, что вы мне голову дурите! – не выдержал он. – То в какие-то шпионские игры решили поиграть с батискафами, то теперь загадки задаете. Я так понимаю, лишнего времени нет ни у меня, ни тем более у тех, кто сейчас сидит внутри батискафа и экономит каждый глоток воздуха...

– Спокойно, товарищ капитан второго ранга, – по-доброму напомнил о субординации вице-адмирал, – не кипятись. Пока твою посудину не приготовят к отплытию, мы можем спокойно и в деталях обговорить весь ход предстоящей операции. А к месту крушения «Академика Королева» ты как раз таки и полетишь.

– Не по-о-о-о-онял... – оторопело произнес Макаров. – Разрешите узнать – это каким образом?

– Сейчас твою субмарину упакут: на это уйдет еще минут двадцать, – вице-адмирал снова глянул на циферблат, – потом ее аккуратно сунут в военный трейлер и довезут до аэродрома. Там со всей возможной аккуратностью сгрузят в «Антей», и через максимум полтора часа ты и твоя подводная лодка вместе с экипажем будете в воздухе. Как тебе, а? Красота!

– Ага, – ошалело подтвердил Морской Волк, – как в том анекдоте – подводная лодка в песках Каракумов... Если американцы узнают о таком сверхновом виде российского оружия, они не просто охренеют, они моментально нам сдадутся.

– Я тоже так думаю, – со всей серьезностью подтвердил вице-адмирал, – жаль только, что они об этом не узнают, – с сожалением добавил он.

– Но, – прервал Макаров своего патрона, – насколько я осведомлен, взлетно-посадочных полос, способных принять такую махину, как «Антей», кроме как здесь – больше нигде поблизости нет. – Капитан второго ранга настороженно, с опаской и смутной тревогой посмотрел на Столетова, и, как оказалось, не зря.

– Так точно, взлеток здесь рядом нет, – поддакнул вице-адмирал, – но они и не понадобятся. Над заданным квадратом транспортный самолет снизится, – начал свои пояснения Столетов, – и вас выбросят прямо в море! – торжествующе закончил он.

– Ни хрена себе повидло... – только и смог произнести Морской Волк. Он был в тяжелом нокауте, и шеф быстро пояснил, пытаясь привести подчиненного в чувство:

– Не просто выбросят, конечно, а десантируют на парашютах.

– «Вчера небольшими группами, по пять-шесть миллионов человек, китайская армия стала незаметно просачиваться через государственную границу Советского Союза...» – Макаров процитировал строчку из забытого старого анекдота, ехидно посмотрел на своего начальника и спросил: – И в чью же это светлую голову пришла такая гениальная мысль? Столь сногшибательный план спасения людей?

– В мою, – простецки ответил вице-адмирал. – А что было делать? Я сопротивлялся, по сути, но меня не послушали. А когда задача была сформулирована и поставлена, я только разработал план операции.

– Секретной, – саркастически подметил Морской Волк. – С высоты птичьего полета на американский корвет, зловеще наяривая круги, спускается российская субмарина, – с поэтическим пафосом продолжал Макаров, – ощерившись всеми пушками, радарам и торпэ-э-э-эдами. Представляю себе это зрелище... – От удовольствия капитан второго ранга даже причмокнул губами. – По такому случаю я даже прикажу экипажу поднять все флаги расцветивания. На месте супостата я бы тут же обделался со всеми вытекающими из этого последствиями, – резонно заметил Морской Волк, заканчивая свои ораторские изыски. – Жаль, что вас там не будет, Сергей Константинович, полюбовались бы на творение рук своих. Будь моя воля, я бы всех штабных собрал...

– Не язви, – оборвал Столетов пламенную речь своего подчиненного, – там, между прочим, люди гибнут, и других путей для их спасения нет. Я бы с удовольствием принял твоё предложение и полюбовался на десантирование, но, боюсь, мне, как и всем остальным, кто будет поблизости, насладиться столь грандиозным и великолепным зрелищем помешает туман, – колкостью на колкость ответил вице-адмирал.

– Хорошенькое дело! – воскликнул Макаров с обидой в голосе. – Мало того, что присвоили помимо моей воли квалификацию «подводный десантник», так еще и норовят на айсберги сбросить! Или ледяное поле куда-нибудь ушло?

– Нет, – Столетов отрицательно качнул головой, – пока еще нет. Но ваше десантирование пройдет в стороне ото льдов, – добавил он.

– Хоть одно успокаивающее сообщение, – облегченно выдохнул Морской Волк. – Сергей Константинович, – он глянул на шефа, – а почему батискаф не может просто взять – и всплыть самостоятельно? Он ведь, как я понял, не поврежден?

– Не поврежден, – подтвердил Столетов, – и режим аварийного всплытия никто не отменял. Если жизням членов экипажа будет что-то угрожать, батискаф, конечно, поднимется на поверхность, где его моментально обнаружат, а вот этого как раз допускать нельзя ни в коем случае. Причин я, как уже говорил, не знаю, – повторился Столетов, – поэтому твоё задание

и сводится к тому, чтобы никто не обнаружил, во-первых, ни тебя, а во-вторых, ни батискаф и членов его команды.

– Понятно, – ответил Морской Волк, – разрешите выполнять?

– Это еще не все, – остановил подчиненного вице-адмирал. – Установить точное местоположение подводного аппарата, установить связь с экипажем и в случае необходимости принять членов команды на борт – это то, что интересует, скажем так, Москву. Но кое-что заинтересовало и меня, и начальника штаба флота.

– Что еще? – встревожился Макаров.

– Ледник, – коротко ответил вице-адмирал и пояснил: – Все метеослужбы, все сводки и анализы говорят о том, что никаких айсбергов, а тем более ледяных полей в этом районе отродясь не бывало. И вот это меня очень даже заинтриговало.

– Ну, мало ли что, – пожал плечами Морской Волк, – глобальное потепление, еще какая-нибудь ерундовина...

– К месту крушения «Академика Королева» идет спасательная подъемная платформа, – продолжал Столетов, не обращая внимания на доводы капитана второго ранга, – на месте катастрофы она, при благоприятных погодных условиях, будет дней через пять-шесть. Подойдут и наши военные. Американцев мы шуганем и спокойно приступим к спасательной операции. А до того времени тебе надо будет подойти к леднику, откуда сошли айсберги, как можно ближе и взять пробы воды и льда.

– Думаете, это не случайный оползень? – поинтересовался Морской Волк.

– Поживем – увидим, – уклончиво ответил вице-адмирал, – однако во всей этой истории многое для меня остается непонятным. И все это списывается на случайности. А случайностей я не люблю, сам знаешь, – задумчиво закончил Столетов.

– Понятно, Сергей Константинович, – в тон начальнику ответил Морской Волк, – разрешите выполнять?

– Давай, Ильюша, действуй, – кивнул вице-адмирал, – и поосторожнее там, – напутствовал он своего подчиненного.

Тем временем обслуживающий персонал закончил свою работу и сошел на берег, а к пришвартованной субмарине подкатили два мощных крана и огромная платформа, которую тащил мощный шестнадцатитонный военный тягач. Субмарина готовилась совершить, пожалуй, самое рискованное и увлекательное путешествие в своей жизни: на тягаче по земле, в утробе гиганта-«Антея» по воздуху и самостоятельно по морю...

## Глава 7

– А не сыграть ли нам в шахматцы? – бодро воскликнул академик Коноваленко, обращаясь к технику и прерывая несколько подзатынувшееся тягостное молчание. – Жора, как вы на это смотрите?

– Нет, – мрачно буркнул Портнов, – увольте. В шашки – пожалуйста, а в шахматы при кислородном голодании играть не рекомендуется. Мозг плохо соображает. Да и не кошка я, чтобы в темноте хорошо ориентироваться в фигурах.

– Какое еще кислородное голодание? – удивился геофизик. – О чем вы говорите? У нас запасов еще на сутки. Мы с вами не одну партию можем сыграть.

– Это только так кажется, – все так же хмуро отозвался Георгий, – сутки промелькнут – опомниться не успеешь...

– Никогда не замечал за вами таких пессимистических настроений, – с укоризной произнес академик и обратился к Людмиле: – Ну, а вы, товарищ доктор? Не против партии? Или вы хотите не упустить столь уникальную возможность изучить действия, состояние, поведение и рефлексы людей, попавших в экстремальные обстоятельства?

– Да нет, – пожала плечами Плужникова, – никаких открытий в этой области мне, пожалуй, не совершить. Для науки такие эксперименты и опыты давно уже пройденный этап.

– Вот и славно, – пробасил академик, с готовностью доставая из кармана куртки небольшую коробочку с набором походных шахмат. – Какими предпочитаете играть: черными или белыми?

– Серыми, – недружелюбно буркнул из-за мониторов Георгий.

– Жора... – Коноваленко слегка повысил голос.

– Я серьезно говорю, Владимир Феокистович, – миролюбиво отозвался техник, – я хочу отключить сейчас питание. Оставлю только аварийное и на центральном компьютере.

– А зачем это? – обеспокоенно поинтересовался академик.

– Будем экономить электроэнергию, – отозвался Георгий, набирая на клавиатуре комбинацию цифр и букв.

– Да-а-а-а, – задумчиво протянула Людмила и добавила с некоторой издевкой: – Видимо, глобальный финансово-экономический кризис докатился и до подводных глубин...

– Сами знаете, Владимир Феокистович, – обозленно ответил девушке Портнов, хоть и обращался к академику, – питание – это жизнь. Мало ли какие сюрпризы могут нас еще поджидать? Тут вот, совсем рядом с нами, котловина Амундсена. Она, пожалуй, поглубже Марианской впадины будет, – продолжал рассуждать Жора, постепенно погружая батискаф в полумрак, – вдруг сейчас какая подвижка или легкое землетрясение? Может даже, тут есть какое-нибудь подводное течение? Кто поручится, что нас не сбросит в эту чудовищную и неизученную пропасть? Что тогда вы будете делать?

– Это вряд ли, – вяло отозвался геофизик, подсаживаясь поближе к лампочке аварийного освещения, – район этот сейсмоустойчив, течений нет... Людочка, – позвал он девушку, – двигайтесь сюда. Здесь вполне хватает света, чтобы мы могли с вами сразиться в шахматы.

– Вот вам, Владимир Феокистович, все вряд ли, – с некоторой обидой в голосе возразил Портнов. – А сто процентов вы даете?

– Стопроцентную гарантию не может дать даже сберегательная касса, – сделала очередной выпад Плужникова, усаживаясь рядом с геофизиком. – Кризис, – снова напомнила она.

– А я хочу быть уверенным, – продолжал Жора, хмыкнув, – что если нас потащит в этот омут, то у наших двигателей хватит и запаса мощности, и, главное, запаса энергии, чтобы убраться отсюда восвояси, – победно закончил техник и, откинувшись на спинку своего кресла, в последний раз щелкнул по клавиатуре.

Двигатель, мерно постукивавший до сих пор своими механизмами, чихнул несколько раз, замедлил ход и, наконец, замолчал окончательно. Наступила полная тишина. В самом батискафе слабо светились только несколько аварийных лампочек, работающих от химических батарей, да дисплей главного компьютера, тоже переведенный в режим автономного питания. Едва только затихли последние вздохи дизеля, как все трое членов экипажа машинально и почти одновременно подняли головы вверх – туда, откуда к ним под двухкилометровую толщу воды должна была прийти обещанная им долгожданная помощь. Их небольшой корабль сразу вдруг стал каким-то холодным, неуютным и непрочным.

– Е-два – е-четыре, – громко произнес академик, отвлекая внимание членов своей команды от жуткого созерцания задраенного внешнего люка. – Я без выпендрежа. Стандартно, – прокомментировал Коноваленко свой ход.

– Стандартный – не значит плохой, – откликнулась Людмила и двинула черную магнитную пешку навстречу своему белому противнику.

– Староиндийскую хотите разыграть? – предположил академик. – Ну-ну, – бодро произнес он, водя указательным пальцем над клетками шахматной доски. Сделав выпад и ожидая от Людмилы ответного хода, он обратился к технику: – Георгий, а зачем вам нужен компьютер? Выключили бы и его.

– Хочу понять, что за тварь я видел, – отозвался Портнов, внимательно просматривая кадры, недавно отснятые камерами внешнего наблюдения. – Я точно видел что-то очень большое. Вот!!! – обрадованно крикнул он, и от неожиданности академик выронил зажатую в пальцах шахматную фигурку. – Посмотрите, Владимир Феоктистович!

– Господи, – в сердцах произнес академик, на ощупь шаря руками под ногами, – к чему так кричать? Где я сейчас в этой темноте найду ладью? – расстроено произнес он, пытаясь разглядеть в полумраке хоть что-то.

– Вот она, – Людмила быстро подобрала с пола и подала академику шахматную фигуру, – возьмите.

– Спасибо, голубушка, – геофизик водрузил ладью на прежнее место, осторожно поставил доску с шахматами на устойчивое место и позвал девушку: – Ну, пойдемте посмотрим, что там узрел наш энергетический тиран.

К этому времени Георгий уже отмотал запись на нужное место и теперь с нетерпением сельского киномеханика ждал, когда беспокойные зрители наконец угомонятся и рассядутся на своих местах.

– Смотрите... – со зловещей таинственностью прошептал Георгий и включил запись. Сначала на экране была видна только чернота, бьющий вверх сноп света от прожектора и небольшой участок освещенных этим светом кабелей жизнеобеспечения. – Вот сейчас, сейчас будет, – снова призвал к вниманию Портнов, кося одним глазом на скачущие цифры тайм-кода.

На экране и в самом деле появилось нечто непонятное. Просто какое-то темное пятно, которое, словно дождевая туча, скрыло на несколько мгновений солнце и беззаботно двинулось дальше.

Прожектор был хоть и мощный, но, понятное дело, пробить такую толщу воды он не мог, и уже через какой-то десяток-полтора метров свет от него хоть и оставался виден, но был очень уж мутным и рассеянным. Объект, который Жора окрестил и упорно называл не иначе как «подводной гадиной», прошел как раз по самой верхушке разреженного светового потока, и как ни напрягали зрение все три участника подводной экспедиции, разглядеть что-нибудь внятное не удалось никому.

– Ну, что вы на это скажете, Владимир Феоктистович? – глянул на академика Жора. Все уже просмотрели короткий фрагмент записи добрый десяток раз, и теперь техник ждал от ученого ответа. Однако геофизик лишь неопределенно пожал плечами:

– Пожалуй, Георгий, я не смогу вам сказать ничего утешительного или определенного, – ответил академик и попросил: – А можно остановить изображение, чтобы попытаться получше разглядеть твоего «пływучего гада»? Или хотя бы попробовать замедлить движение. Я что-то не успеваю ничего рассмотреть.

– Конечно, – с готовностью откликнулся техник, – как я сразу не догадался... – Он быстро застучал пальцами по клавиатуре, отдавая ком-пьютерной программе необходимые команды. Кадры на мониторе пошли гораздо медленнее, но рывками, и небольшая команда снова установилась в экран. Ничего нового. В свете прожектора возникала какая-то тень. Это была даже не тень, а просто свет, который, отражаясь от чего-то, что проплывало над прожектором, становился чуть более ярким. И только.

– Знаете, – разочарованно произнес академик, просмотрев запись еще несколько раз, – по этим кадрам невозможно судить даже о форме объекта, не то что о том, что это такое. – Геофизик задумчиво потерев нижнюю губу.

– Ну, уж не квадратной и не круглой формы, – отозвался Георгий, – за это я могу поручиться.

– Да, – согласился Владимир Феоктистович, – тело не квадратное и не круглое, а, скорее, имеет продолговатую форму и довольно крупные габариты.

– Может, кит? – внесла свою лепту в беседу Людмила.

– Помилуйте, голубушка, – Коноваленко снисходительно глянул на девушку, – хоть я, конечно, и не океанолог, но, насколько мне известно, киты на такую глубину не заплывают.

– А кашалоты? – не унималась Плужникова.

– Ага, – насмешливо отозвался Георгий, – в Северном Ледовитом океане.

– Может, оголодал? – Людмила упорно отстаивала свою точку зрения. – Пищи в морях стало меньше, вот и заплыл в эти широты. И потом, – веско добавила она, – сейчас с климатом и природой творятся такие феноменальные вещи, что уже не приходится удивляться, когда в Сахаре идет снег.

– Где это вы такое видели? – искренне изумился академик.

– Ну, пусть не в самой Сахаре, – уклончиво ответила Людмила, – но в Африке – это точно. Кажется, в Эфиопии, – уточнила она.

– Да-да, я о чем-то таком слыхал. – Владимир Феоктистович снова задумчиво посмотрел на экран. Ничего особенного. Размытые контуры какого-то довольно большого предмета – и только. – Знаете что, – подытожил он научный диспут, – нечего нам тут голову ломать. Есть дела и поважнее. Особенно в нашем с вами положении. Поднимемся наверх, передадим пленку специалистам, а они уж пусть разглядывают, расшифровывают и кумекают, что это и откуда эта штуковина могла здесь взяться.

## Глава 8

– Ну что, господа? Примите мои поздравления, – весело отозвался хорошо одетый мужчина, разливая по высоким фужерам шампанское. – Первая часть нашей совместной операции прошла как нельзя лучше, и я предлагаю за это поднять тост.

Два его собеседника молчаливо взяли бокалы, чокнулись и стали пить игристую жидкость медленными глотками. Со стороны могло показаться странным, как в Туле – секретной американской военно-морской базе в Гренландии – под одной крышей, в одном кабинете могли сойтись представители столь разного общественного положения.

Человек, разливавший шампанское, был не кто иной, как один из членов совета директоров, пожалуй, самой крупной в мире нефтедобывающей компании «Шелл», мистер Александер Говард. Добыча и продажа нефти никогда не были делом убыточным, поэтому, понятное дело, хоть «Форбс» и не упоминал на страницах своего издания фамилию мистера Говарда, однако и одежда, и старое французское шампанское среди гренландского ледника, и манера поведения говорили о том, что этот пятидесятичетырехлетний мужчина относит себя к категории «хозяев жизни». И имеет на то все основания, в отличие от своей полной противоположности – сотрудника Центрального разведывательного управления США Николаса Швайнштайнгера. Выделяться среди других людей, которые занимаются планированием и проведением различного рода секретных операций, было бы по меньшей мере неразумно. Николас был «серым кардиналом», который постоянно находится в тени, неприметен и тем не менее держит в своих руках все нити событий и на эти самые события влияет самым непосредственным образом.

Третьим членом этой разношерстной компании был полковник ВМС США, командир подводной лодки класса «Огайо» мистер Сайрус Ричардсон. Опытный моряк с почти тридцатилетним стажем, типичный вояка, относящийся к разряду «сначала – стреляю, потом – думаю». Еще во времена пресловутой «холодной войны» у Сайруса произошел целый ряд неприятных для него инцидентов с кораблями советского тогда Военно-морского флота. Русские как-то не очень дружелюбно относились к пристрастию американского подводника поиграть в войнушку, и однажды субмарина Ричардсона чуть было не погибла. С тех самых пор янки невзлюбил русское, советское, а теперь – и российское. Пришвартованная к пирсу субмарина, к слову, была хорошо видна из окошка кабинета, в котором происходила эта встреча, и Сайрус Ричардсон время от времени с гордостью поглядывал на свой грозный подводный корабль.

Допив шампанское, троица отставила в сторону бокалы и удобно расположилась в мягких креслах.

– Итак, господа, – мистер Говард взял инициативу в свои руки, – давайте подведем некоторые первые, промежуточные итоги. Батискаф русских с командой ученых сейчас лежит на дне. Там же покоится и научно-исследовательское судно «Академик Королев». – Говард был явно доволен положением дел, происходящих в полярных широтах. Он потер ладонью о ладонь, потом хлопнул себя по коленкам. – Я так понимаю, что дело движется к логическому и удачному для нас завершению.

– Вот только экипаж «Академика Королева» принял на борт не наш корвет, а шведский сухогруз, – напомнил собравшимся церэушник Швайнштайнгер, добавив в бочку меда немного дегтя.

– Напомню вам, – вмешался командир субмарины, – что русское научно-исследовательское судно никто изначально не собирался топить...

– Боже упаси! – Швайнштайнгер поднял руки вверх, словно собирался сдаться в плен. – Открытая конфронтация – не моя специальность. Здесь нам просто сказочно повезло.

– Вот именно, – поддакнул подводник, – задача ставилась – отогнать русских от места погружения батискафа. А что он напорется на айсберг и пойдет ко дну – такой изворотливости

от русского капитана не ожидал даже я. Поэтому моя подлодка и корвет и отошли подальше, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, – пояснил Ричардсон. – А когда русские стали тонуть, то, как на зло, шведы оказались ближе и подошли к месту крушения первыми. Что мне было делать? Топить шведский сухогруз? – Он рассерженно глянул на представителя из Лэнгли.

– Ладно, бог с ними, с этими русскими и со шведами, – примирительно произнес мистер Говард, – в конце концов нас мало интересует экипаж «Академика Королева». Нас, меня, в частности, и нашу корпорацию, – уточнил он, – интересуют в первую очередь пробы грунта и уникальный образец глубоководного бура. Вот это я хотел бы получить в первую очередь, – закончил нефтедобытчик, вопросительно глянув на Швайнштайнгера. – Как это можно организовать?

– Мистер Говард, – на лице церэушника появилась блаженно-ангельская улыбка, – хочу вам напомнить, что я никоим образом не представляю здесь интересы вашей компании-монополиста. Это касается меня меньше всего. Вы позволите? – Он протянул нефтяному магнату свой пустой бокал, дождался, когда его снова наполнят, отпил несколько глотков и только после этого продолжал: – Как вы понимаете, я далек от бизнеса. Я, знаете ли, специализируюсь на защите государственных интересов. Вы позволите? – снова поинтересовался Швайнштайнгер, достав из настольной шкатулки пахучую сигару и вопросительно глянув на Говарда.

– Пожалуйста, – добродушно согласился тот и задал церэушнику встречный вопрос: – А скажите, мистер Швайнштайнгер...

– Можно просто Ник, – еще раз улыбнулся представитель Лэнгли.

– Ник... Хорошо, Ник, – согласился Говард. – Так вот, Ник, те государственные интересы, которые вы так рьяно защищаете, они разве не совпадают с интересами моей компании? – поинтересовался нефтепромышленник, тоже потянувшись за сигарой.

– На данном этапе – да, – кивнул Швайнштайнгер, выпустив к потолку струю дыма, – иначе мы с вами не сидели бы в этом кабинете.

– Я так понимаю, – вмешался в диалог Сайрус Ричардсон, – никто из нас троих не сидел бы здесь, не будь у нас одинаковых интересов. И интересы эти касаются русских, – он присоединился к компаньонам и тоже закурил. – Не скрою – я их недолюбливаю. И лично мне поставлена задача сделать все возможное, чтобы русские корабли – и военные, и гражданские – держались от этих мест подальше, как потенциально опасные для судоходства. Так что катастрофа «Академика Королева» нам только на руку. С обработкой ледника химическими реагентами – это вы здорово придумали. – Командир субмарины изобразил на лице некое подобие улыбки, делая комплимент Швайнштайнгеру. – Я не ожидал такого быстрого таяния и схода такого большого количества льда.

В ответ церэушник только невинно пожал плечами, мол, ничего сложного, такая уж у него работа – шевелить мозгами.

– Я всего лишь забочусь об энергетической безопасности Соединенных Штатов. – Он приподнялся и сбросил пепел в шикарно выполненную под «Титаник» пепельницу. – Рано или поздно баррель нефти будет стоить и двести, и далеко за двести долларов. А здесь, даже по предварительным данным, этого стратегического сырья очень много. Нефть, сами знаете, штука такая, – он снова улыбнулся, – когда баррель стоит сорок или тридцать долларов – это просто нефть. А когда под двести – из-за нее уже может быть война. Не мне вам рассказывать, – он глянул на представителя компании «Шелл».

– Полностью с вами согласен, – поддакнул мистер Говард, – поэтому давайте теперь перейдем и к моим интересам, коль ваши уже удовлетворены. Вам ведь нет разницы, какая компания будет осваивать океанический шельф?

– Никакой, – подтвердил Штайншвайгер, – только одно условие: эта компания должна быть американской.



– Ну-у-у, уж нас-то никак не заподозришь в сговоре с русскими. – Говард широко развел руки в стороны, давая понять, что более лояльного гражданина, чем он, в Америке попросту нет. – Так вот, – продолжал он, – наша компания, понятное дело, тоже имеет свой интерес в этом районе. Только русские нас опередили. У них этими исследованиями занялось государство: и финансированием экспедиции, и глубоководными исследованиями, и геологоразведкой дна, и так далее. Умно и дальновидно. А у нас даже в совете директоров компании в большинстве своем сидят, извините, идиоты, способные только считать сиюминутную прибыль и не видеть дальше собственного носа.

– Ну, это случается не только у вас, – загадочно улыбнулся Швайнштайнер, и военный моряк, соглашаясь с ним, кивнул.

– Мы планировали исследования, подобные тем, что проводили русские, – продолжал мистер Говард. – Правда, не раньше чем года через три-четыре. Но теперь совсем другое дело! Русский батискаф, который лежит на дне, упрощает ситуацию...

– И, как я понял, удешевляет? – поинтересовался Швайнштайнер.

– Безусловно, – согласился нефтедобытчик, – зачем проводить столь дорогостоящие исследования, когда можно получить все данные у русских?

– То есть – забрать? – снова уточнил церэушник.

– И пробы грунта, и, что самое главное, русское ноу-хау – глубоководный бур, – продолжал Говард, не обращая внимания на реплики сотрудника из Лэнгли. – Я имел беседу с председателем правления нашей компании. Между нами. – Александр слегка понизил голос. – За содействие мне, а значит, в моем лице и нашей компании, вы будете щедро вознаграждены.

– Как щедро? – живо поинтересовался командир субмарины.

– Очень щедро, – ответил Говард, делая ударение на слове «очень». – Мне нужны пробы грунта и бур с русского батискафа.

– Ну, что же, – задумчиво произнес Швайнштайнер после короткой паузы, – я думаю, что это в интересах Америки. Как вы полагаете, мистер Ричардсон?

– Полностью с вами согласен, – подтвердил старый моряк. – Батискаф лежит на дне. Воздуха у них осталось, по моим прикидкам, часов на двенадцать, пятнадцать. Никаких русских кораблей поблизости нет. Значит, через полсуток им придется всплыть. Батискаф – не корабль. Самостоятельно до берега он не доберется, – уверенно констатировал Ричардсон, – и я их, естественно, спасу. Или не спасу, – загадочно произнес он. – Это же море, – добавил командир субмарины, – здесь может произойти все, что угодно: столкновение с айсбергом, например...

– Пожалуйста, только после того, как получите пробы грунта и бур, – напомнил Говард.

– Безусловно, – с готовностью согласился старый моряк.

– Мы не будем светить нашу субмарину, – нарушил планы компаньонов Швайнштайнер, – связь у них есть, и с поверхности они наверняка радируют, что их сняла американская ядерная подводная лодка. А это не очень хорошо и вызовет у русских массу вопросов.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.